

Ведьма по имени Ева

Автор:

Екатерина Слави

Ведьма по имени Ева

Екатерина Слави

Чтобы завоевать мужчину своей мечты, Ева соглашается на сделку с дьяволом. Обычная женщина превращается в ведьму и получает удивительную силу, которая должна помочь ей достичь цели, сметая на пути все препятствия. Что потребовал за свой подарок дьявол, и какую цену придется заплатить Еве за счастье?

Екатерина Слави

Ведьма по имени Ева

Глава 1. Улыбка ведьмы

«Первое правило ведьмы – улыбайся. Улыбайся, ибо это самое простое чародейство и самое действенное. Люди... Они не знают... Они не знают, что такое улыбка ведьмы. К их счастью».

– Кем ты была раньше?

– Я была той, что хочет счастья, но не может до него дотянуться. Слишком далеко. Недостигаемо.

– Ты продала душу, чтобы стать ведьмой?

– Нет, я продала сердце.

– Значит, ты не умеешь любить?

– Нет, скажу иначе: я не умею страдать.

– Страдания делают человека человеческим.

– Страдания делают человека больным и злобным.

– Кто же ты теперь?

– Я та же. Просто теперь мои руки длиннее.

Крымский полуостров. Алушта.

Маленький курортный город задыхался от духоты. Он утопал в солнце и запахе штормящего моря. В окне небольшого комфортабельного отеля, скрестив руки на груди, стояла девушка: крашеная блондинка с длинными волосами, голубыми глазами и ухоженными руками. Тонкие кисти с «музыкальными» пальцами, длинные ногти с ярко-красным лаком – эти руки как будто существовали сами по себе, жили своей собственной жизнью. Если бы кто-то присмотрелся к этим рукам повнимательнее, особенно к тонким, изящным пальцам – почувствовал бы холодок, бегущий по спине. Непременно почувствовал бы. Но никто не смотрел. К счастью.

Девушка окинула взглядом набережную, которая виднелась за темно-красными черепичными крышами одноэтажных домов. Лицо ее при этом оставалось неподвижным. Она ждала.

«Никогда не делай ничего важного, прежде не испытай себя. Если планируешь какое-то дело, и результат должен быть только положительным, если провал исключен, то никогда не берись за дело сгоряча. Остановись – у тебя теперь достаточно времени. Оглядишься вокруг – теперь ты умеешь видеть. Подумай – продумай все до мельчайших деталей. Испробуй – найди подопытного кролика.

И помни: он не цель, он лишь средство – им всегда можно пожертвовать».

Набережная была полна народа. Они толпились в кафе, занимая все свободные выносные столики и бесконечно заказывая одно и то же: мороженое, соки, воду. Они сновали мимо многочисленных лотков с разными сувенирами-безделушками. Они выстраивались рядами возле парапета и смотрели на тянущееся за горизонт Черное море.

Купаться в шторм было запрещено, поэтому в глазах некоторых, особенно детей, читалось разочарование. Было такое выражение и на лицах некоторых взрослых. И девушка, стоящая у окна в своем гостиничном номере, тайком любовалась этими лицами. Их было мало – людей, которые, будучи в зрелом возрасте, глядя на море, все еще ощущали биение собственного сердца и щемящее чувство: то ли любви, то ли утраты.

Но вот взгляд девушки переместился к киоску с лейблами операторов мобильной связи. Сюда же в этот момент подошла семья из трех человек: мужчина, женщина и их ребенок – семилетний мальчик. Мальчику нужно было пополнить счет.

Девушка в окне глубоко втянула ноздрями воздух. Это было то, чего она ждала. Это был он – ее проба, ее попытка, ее экзамен.

Внимательным взглядом она изучила трех людей возле киоска. Хорошенький мальчик с рыжевато-русыми волосами, как и другие дети, с тоской поглядывающий на море. «Почему нельзя купаться?» – читалось в его по-детски

открытом взгляде.

Женщина: с белой фарфоровой кожей, высокая, слишком полная – еще недавно была стройной красавицей модельной внешности, это было заметно по всем движениям ее тела. Оно привыкло быть стройным и гибким – соответственно и двигалось. Но ее движения в сочетании с округлыми объемами у постороннего человека с наблюдательным взглядом вызвали ощущение дисгармонии – полные двигаются иначе. У нее была роскошная рыжая грива и миндалевидные зеленые глаза, обрамленные длинными ресницами. По таким глазам мужчины с ума сходят, даже если модельная фигура приказала долго жить.

И наконец он – мужчина. Высокий, стройный, подтянутый. Шатен с мягкими непослушными волосами, к которым любой женской руке так и хочется прикоснуться, чтобы погрузить в них пальцы. Женщине так приятно иногда почувствовать себя собственницей. Глаза у него были отвратительного цвета: то ли серо-зеленые, то ли желто-карие. Проще говоря – болотные. Но почему-то именно эти глаза делали его неповторимым, неотразимым, чертовски привлекательным. Настолько привлекательным, что окружающие не всегда замечали, что у него неискренняя улыбка, не жизнерадостная, искусственная – просто растянутые губы. Ничего больше.

В дверь гостиничного номера постучали. Девушка отошла от окна.

– Открыто!

В номер вошел молодой человек – служащий гостиницы.

– Я прошу прощения. Всем нашим гостям мы раздаем анкеты. – Молодой человек улыбнулся извиняющейся улыбкой; наверное, их учили так улыбаться именно после этой фразы. – Мы хотим, чтобы нашим клиентам у нас было как можно комфортнее. С целью улучшить условия проживания мы стремимся учитывать все пожелания клиентов, поэтому... Вот. Здесь несколько вопросов.

Он положил на журнальный столик белый лист бумаги.

– Если вас не затруднит, заполните, пожалуйста. Конечно же, вы можете заполнить графы выборочно. На ваше усмотрение. Я попозже найду – заберу.

Молодой человек с виноватой улыбкой – неискренней и нежизнерадостной – вышел. Девушка едва заметно поморщилась от сказанной им глупости: «Вы можете заполнить графы выборочно...». Ну, разумеется, она может. Она может просто выбросить эту анкету в мусорное ведро.

Когда дверь за ним закрылась, девушка сначала обернулась к открытому окну, потом негромко произнесла: «Не уйдет», и только после этого подошла к столику. Она опустилась в удобное мягкое кресло и взяла в руки лист бумаги.

Анкета начиналась с обычных вопросов о данных постояльца, и только потом шли вопросы, касающиеся проживания в гостинице и самой гостиницы.

Девушка взяла с журнального столика ручку. Откинулась на спинку кресла. Закинула ногу на ногу и, положив лист бумаги на одно колено, начала заполнять анкету.

Имя: Ева

Возраст: 27 лет

Вид деятельности: Ведьма

Цель приезда в наш город: Пройти тест

Как вы оцениваете уровень комфорта в гостинице: Удовлетворительно. Вполне удовлетворительно...

Через минуту она отбросила анкету на журнальный столик и встала с кресла. Вернулась к окну. Возле киоска с мобильными телефонами и разнообразными аксессуарами для них уже никого не было, но на лице Евы не отразилось ни удивления, ни досады. Мужчина с болотными глазами ушел. Но она знала, где его искать. Она знала о нем все. Даже то, о чем еще не догадывался он сам.

Ева задернула шторы на окне и, взяв с дивана маленькую черную сумочку, вышла из номера. Когда хлопнула дверь, сквозняк вздул задернутые шторы, так

что они куполом поднялись над подоконником, пошевелил листья цветов, расставленных в комнате в больших декоративных вазонах, и невысоко приподнял над журнальным столиком лист бумаги с анкетой. Лист выгнулся в воздухе и снова упал на столик, но уже чуть дальше. Вопросы были напечатаны с левой стороны листа, а с правой – лист был белый и чистый. Если несколько минут назад на бумаге и были написаны синими чернилами какие-то слова, то, по всей вероятности, написанное просто сдуло сквозняком.

Портье делал необходимые отметки в журнале. Он хмурился. Он всегда хмурился, когда работал с учетными данными. Он был человеком собранным и в крайней степени дисциплинированным. За свои сорок пять лет он ни разу не отступил от принципа, что порядок – прежде всего. И ни разу не усомнился в этой простой и понятной истине.

Он услышал цокот каблуков и поднял глаза. Морщины на его лбу тут же разгладились. К нему подошла девушка из тринадцатого номера и, приятно улыбаясь, положила на стойку ключ с красивым фирменным брелоком отеля. На брелоке красовались большие с завитками цифры: «№ 13».

– Я смотрю, вы не суеверны, – он с улыбкой обратился к девушке и кивнул на брелок.

– Нет, что вы, – ответила девушка, пристально посмотрев на портье. – Цифра тринадцать – моя любимая. Она всегда приносит мне удачу.

Портье не смутился от пристального взгляда. Наоборот, ему показалось, что к нему проявили внимание, а это было редкостью. Чаще всего за стойкой портье он чувствовал себя мебелью.

– Я надеюсь, цифра тринадцать благоприятно скажется на вашем отдыхе.

Он тут же подумал, что сморозил глупость, но в глазах девушки появилось какое-то особое выражение, она слегка их прищурила, посмотрела мимо портье, мимо всего, на чем мог бы остановиться ее взгляд, и сказала:

– Я уверена, что так и будет.

– Удачного вам дня, – пожелал портье, когда девушка уже отходила от стойки.

– И вам того же.

Портье, не отрываясь, смотрел ей вслед. Ему было сорок пять. У него была хорошо заметная лысина, улыбка, далекая от того, чтобы считаться обаятельной, и серые глаза человека со скучным характером педанта. Но он смотрел вслед своей уходящей собеседнице и думал, что никогда прежде не видел женщин, похожих на девушку из тринадцатого номера.

Работая портье, он повидал много красивых женщин: роскошных блондинок с большим бюстом и длинными ногами, жгучих брюнеток с шоколадной кожей и манящими темными глазами, рыжеволосых красавиц – ярких, как заморские птицы. Но такой как эта – не встречал никогда. Он даже не мог объяснить себе, почему смотрит ей вслед и никак не может отвести взгляд.

Но если бы ему случилось в этот день бросить свою стойку и охлаждаемый кондиционерами холл, и выйти на улицу, возможно, он увидел бы точно такие же взгляды на лицах других людей: взгляды, устремленные к далекому горизонту, где море сливается с небом; взгляды, в которых можно было разглядеть какое-то щемящее чувство: то ли любви, то ли утраты.

А Ева, выходя из гостиницы, подумала:

«У этого портье хорошая улыбка – искренняя. Не жизнерадостная. Нет. Но что-то живое в ней пока еще есть».

«Чем отличается зрение обычного человека от зрения ведьмы? Обычный человек видит предметы по очереди. Дорогу. Тени. Стены домов. Прохожего, идущего вдоль стены. Плащ на прохожем. Руки прохожего, спрятанные в карманах. Лицо прохожего. Чтобы хорошо рассмотреть все это, обычный человек должен присмотреться сначала к дороге, потом к стенам домов и так далее. По этой причине он упустит массу важных деталей. Он не спросит себя, почему руки

прохожего спрятаны в карманах. Не подсчитает тени на дороге и людей в поле его зрения. Следовательно, не увидит разницы. В конце концов, он просто не заметит, что лицо прохожего выражает сосредоточенность и нервозность, а руки в карманах сжаты в кулаки.

Ведьма это заметит. Она увидит даже больше. Она увидит все. Для этого ей хватит только одного взгляда».

Антон Смертин вышел из бара около одиннадцати часов вечера. Это было время, когда в барах становилось нечем дышать – приезжие туристы именно после одиннадцати начинали заполнять все кафе, бары и рестораны. Антон Смертин не был туристом. Этот небольшой курортный городок был родным для него. Он здесь жил большую часть своей жизни. И, так уж повелось, что, когда туристы начинали развлекаться, местные жители старались уходить от них подальше. Местные были не на отдыхе. Для них летние дни были самыми обычными буднями.

Антон выпил немного пива, поэтому домой пошел пешком – машина осталась на стоянке, а до дома было рукой подать. Он шел не спеша, размышляя о том, как сложилась его жизнь. Вопреки расхожему мнению, что имя человека определяет его судьбу, жизнь для Антона Смертина была ключом. У него было собственное дело, которое приносило хорошую прибыль. Его семья жила в добротно отстроенном двухэтажном доме. В гараже стояла машина – одна из новейших моделей. Она дорого ему обошлась. Но Антон был доволен.

Ему принадлежала небольшая комфортабельная гостиница, расположенная недалеко от набережной, и еще одна – ближе к центру города. Он был не обделен жизненными благами, и чувство удовлетворения от жизни почти никогда не покидало его.

Вот и сейчас он ощущал себя сытым и довольным. Сытым – потому что не испытывает нужды и бедности. Он видел это в других людях, живущих вокруг него. Видел, но каждый раз отворачивался. Он не считал себя суеверным, но иногда у него возникало внутри чувство, что это заразно. Что вирус, который он про себя называл «дном», можно нечаянно подхватить и тогда... Что будет «тогда», об этом он даже думать не желал, поэтому всегда отворачивался.

Он свернул во двор, через который можно было пройти к дому. Сделав несколько шагов, заметил идущего навстречу человека. Уже смеркалось, но Антон даже в сумраке заметил, что человек одет как бомж. Ссутулившись, он шел навстречу Антону, спрятав руки в карманах и тихо похрипывая при каждом вдохе. Брезгливо поморщившись, Антон отвел глаза. Взгляд прошелся по стенам жилых домов, по чернеющему проему между двумя, стоящими рядом, пятиэтажками.

Бомж был уже в паре метров от Антона и вдруг замедлил шаг.

– Мужик, у тебя закурить не найдется? – остановившись прямо перед Антоном, спросил нищий хриплым прокуреным голосом.

– Не курю, – коротко ответил Антон, хотя в кармане лежала пачка дорогих сигарет и фирменная зажигалка.

Он попытался обойти бомжа, но тот снова загородил ему путь.

– Да ты поищи хорошенько, может, найдешь, – настойчиво прохрипел на это бомж.

– Я уже сказал, что не курю! – резко ответил Антон и вдруг заметил, что его собственная тень на лице нищего двоится.

Антон вдруг что-то понял и начал оборачиваться назад, как стоящий перед ним бомж вынул из карманов руки и со всей силы ударил Антона кулаком в живот. Антон согнулся пополам. В голове промелькнуло, что надо кричать и звать на помощь, но закричать он не мог даже от боли – дыхание застряло где-то в грудной клетке. Через силу он начал выпрямляться и услышал резкий звук у себя за спиной...

Бродяга в грязном плаще медленно подошел к своей жертве сзади, так что тот не услышал ни шороха... Он вытянул руку со складным ножиком и резким движением выбросил лезвие. Согнул руку в локте, целясь в бок своей жертвы, но вдруг... Что-то заставило его обернуться.

В проходе между домами, который только что был укутан чернотой сумерек, показался тусклый желтый свет. Он возник не резко, как если бы включили

лампочку или фонарь, он словно просочился из темноты и медленно, как туман, рассеялся вокруг.

Бродяга изумленно пялился в этот проход – какая-то сила тянула туда его взгляд. В желтом свете начали проступать очертания фигуры, и бродяга увидел женщину. В первый момент она показалась ему обычной, но тут женщина улыбнулась ему – нечеловеческой улыбкой, от которой у него внутри все стянулось, как будто внутренности стали приклеиваться друг к другу. А в следующее мгновение глаза женщины вспыхнули, словно загорелись изнутри. Тело бродяги одеревенело от страха. Ее глаза горели! По-настоящему! Там внутри, в этих глазах, был самый настоящий огонь. Огонь вместо глаз!

Он почувствовал, как его обволакивает нечто липкое и страшное, а женщина протянула руку и показала ему на что-то, лежащее у ее ног. Бродяга послушно опустил глаза, и сердце его заколотилось так, что ему показалось, будто это в воздухе, из ниоткуда, возник оглушающий, ужасный грохот.

У ног женщины лежал он сам – его мертвое тело. А возле тела собралось около десятка бродячих собак. Он не сразу понял, но, когда увиденное дошло до его сознания, если бы он мог, он бы завопил от ужаса. Псины ели его мясо: отрывали зубами куски и, бросая чуть в стороне, начинали жадно жевать. Это были точно такие же бездомные собаки, рядом с которыми бродяга в холодные ночи устраивался на ночлег в какой-нибудь подворотне. Он никогда не гнал их, потому что они согревали его своим теплом.

Женщина указала рукой на лицо того, кто лежал у ее ног. Бродяга послушно глянул... Его мертвое лицо было изъедено язвами, в пустых глазницах, в которых почему-то не было глаз, ползали черви... Он не мог больше на это смотреть. Изнутри его колотило крупной дрожью, хотя тело по-прежнему оставалось окаменевшим – он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Кто эта женщина? Чего она хочет от него?

Женщина словно услышала его мысли. Пламя в ее глазах погасло, они превратились в черные щелочки и смотрели прямо на него. Лезвие в его руках вдруг дрогнуло, и бродяга опустил глаза на нож, по-прежнему зажатый в кулаке. Рука вдруг перестала его слушаться. Нож, направленный в спину человека, которого он только что хотел убить, вдруг начал разворачиваться в его руках и вскоре острие лезвия смотрело бродяге в живот. Его собственная рука против его воли начала приближать нож к животу. В голове промелькнула

отчаянная мысль: если он сейчас умрет, он знает, что ждет его после смерти. Он не хотел такой смерти. Нет... Только не так... Но нож уже легко царапнул его грязный плащ, приближаясь к телу. Ближко. Еще ближе.

- Не-е-ет!!! - завопил бродяга и отбросил нож в сторону, словно лезвие его ошпарило. - Нет! Не хочу! Не хочу!!!!!!!!!!!!

Женщина улыбнулась ему своей нечеловеческой улыбкой, и в этот момент он словно пришел в себя и во весь опор бросился бежать.

Все это произошло за считанные секунды. Антон еще даже не успел полностью разогнуться после удара. А бомж, увидев, как стремглав помчался прочь его подельник, с недоумением на лице начал оборачиваться и тут увидел приближающуюся девушку.

- Эй, что вы делаете? - крикнула она. - Убирайтесь отсюда!

Бомж начал пятиться назад, ничего не понимая, но выхода у него не было и он быстро, почти бегом, скрылся в темноте двора.

«Первая удача не должна окрылять тебя. Это может лишить бдительности. Гаси в себе ликование. Ум ведьмы должен быть холодным, как лед, и острым, как лезвие бритвы. Твои способности могут нечаянно выдать тебя. Не показывай их. Люди не должны видеть, что ты чем-то отличаешься от них.

Помни: даже если всего мгновение назад ты была ведьмой, спустя мгновение притворись человеком. И тогда никто не сможет ни разоблачить тебя, ни избежать той ловушки, которую ты приготовила».

Антон, шатаясь, повернулся на ватных ногах. К нему подошла девушка.

- С вами все в порядке? - спросила она.

Он бросил на нее невыразительный взгляд, подумав про себя, что глупее она ничего не могла спросить. Разве он может быть в порядке, когда его только что пытались избить и обокрасть.

- Вам нужна помощь? - снова спросила девушка.

В глазах Антона помутилось. Он снова посмотрел на девушку, но в этот раз задержал взгляд - ему показалось, что у нее знакомое лицо...

Ева смотрела на него в ожидании. Она ждала... Ждала, что он ее узнает, хотя последний раз они виделись восемь лет назад. Время меняет людей. И она изменилась. Сильно изменилась. Большинство тех, что знали ее прежде, вне всякого сомнения, не узнали бы ее. Но он... Он мог узнать. Он задержал взгляд на ее лице. Она в ожидании смотрела в его глаза, и... что-то мелькнуло там в этих серо-зеленых водах... Но нет, он не узнал ее.

Ева почувствовала в себе легкое, кольнувшее ее изнутри чувство. Кажется, это была злость. Что ж, если раньше у нее и были какие-то сомнения, то теперь не осталось ни единого.

«Первое правило ведьмы - улыбайся, ибо это самое простое чародейство и самое действенное. Люди не знают, что такое улыбка ведьмы...».

Он уже хотел отвести взгляд, но Ева поймала этот взгляд, словно в капкан. Он посмотрел слегка удивленно, точно бы почувствовал что-то... И Ева улыбнулась.

Со злорадным удовольствием она видела, как в ответ расплывается на его лице глупая улыбка. В его взгляде появился интерес.

- Антон, - представился он.

«Знаю», - лениво прошелестело в голове Евы.

Но вслух только назвала свое имя.

- Ева.

– Скажите, Ева, как вам, такой хрупкой и нежной девушке, удалось прогнать этих грабителей? Вы спасли мой кошелек.

«Я спасла твою жизнь, болван... – Ева еле удержалась, чтобы не окинуть его презрительным взглядом. – Впрочем, какая разница?».

Он смотрел на нее своими болотными глазами, и Ева чувствовала их очарование. Почему-то эта болотная гадость вызывала странное манящее чувство, обволакивающее, как легкая пена над водой, когда лежишь в ванной.

– Да я и сама испугалась, – взволнованно улыбнувшись, ответила Ева. – Наверное, они побоялись, что я подниму крик, а кто-нибудь из жителей района услышит и позвонит в полицию.

– Наверное, – повторил он, задумчиво разглядывая ее. – А мы с вами нигде раньше не встречались?

Ева глубоко заглянула в болотные глаза и почувствовала некоторое превосходство над ним. Нет, он и близко не узнал ее. А этот вопрос... банальный, примитивный, даже пошлый. Но главное – подлый. «Мы с вами нигде раньше не встречались?» Конечно нет – вы никогда не встречались. Но, может быть, в другой жизни... Может быть, вы чувствовали друг друга на расстоянии... А теперь встретились, и кажется, что встреча была predetermined. После такого вопроса появляется странное, беспричинное чувство доверия. А доверие – это опасное чувство.

Но для него это был просто вопрос. Он где-то слышал его в подобной ситуации. И задал. Без всякого умысла.

– Нет, не думаю, – покачала головой Ева.

Он пожал плечами, словно другого ответа и не ожидал.

– Как мне вас отблагодарить? – спросил он, глядя на нее почти влюбленными глазами.

Влюбленными они были не потому, что он действительно влюбился в Еву, а потому, что очень хотел показаться ей очаровательным, продолжить знакомство.

Что ж, в конечном итоге, именно это от него и требовалось.

– Ева, – очарованно прошептал он, по-прежнему улыбаясь. – У вас необыкновенно красивое имя...

Ева вставила ключ в замок, провернула его, толкнула дверь своего номера и уже хотела войти, как отворилась соседняя дверь – комнаты под номером двенадцать. Тихий голос, мелодичный и кроткий, произнес:

Очарование нас ловит в сети –

Мы поддаемся на обман.

Жестокие сердца фортуна метит

Небесной красотой, ввергающей в дурман.

В дверях двенадцатого номера стоял парень лет двадцати. Любой посторонний человек, не задумываясь, назвал бы его странным. Внешность у него была миловидная. Какая-то даже беззащитность и невинность наблюдались в тонких чертах его лица: в бледно-голубых глазах, в опущенных уголках губ, в светлых волосах, коротко подстриженных и слегка взъерошенных. В одной руке у него было длинное черное перо, а в другой – потрепанная записная книжка в кожаном переплете. Ева часто видела, как он открывал свою кожаную книжечку, держа в руке перо, но никогда не видела, чтобы он что-то в ней писал. И никогда не видела в его руках чернил.

– О ком твои стихи, Пилигрим?

- Они ни о ком. Они о красоте, которая тянет человека в пропасть.
- Разве красота – это зло?
- Красота – это лишь инструмент. В добрых руках она несет добро. В злых – зло. Что он сказал тебе напоследок? – Теперь была его очередь спрашивать.
- Сказал, что у меня красивое имя – Ева.
- Он прав. А как тебя звали прежде?
- Это не имеет значения. Я родилась заново и забыла прежнюю жизнь.
- Ты родилась лишь однажды и у тебя есть только одна жизнь.
- Тогда так: я провела между прошлым и сегодняшним жирную черту. И все, что за чертой, там, в прошлом, я залила черной краской. Теперь там не прочесть ни единой буквы. Скажи, Пилигрим, ты специально поселился в двенадцатом номере, потому что он рядом с моим – тринадцатым? – Она переняла эстафету задавать вопросы.
- Нет. Просто иначе не могло быть.
- Что это значит?
- Цифры тринадцать и двенадцать рядом. Так же как ты не могла поселиться в другом номере, кроме тринадцатого, так же и я не мог остановиться не в двенадцатом.
- Двенадцать твое любимое число? Оно приносит тебе удачу?
- Нет. Оно охраняет меня от зла.
- Каким образом?

- Перекрестись двенадцать раз и зло не тронет тебя.

- Наверное, тебе часто приходится креститься. Ведь зло так близко. В соседнем номере.

- Ты не зло.

- Ты прав. Я не зло. Я просто впустила его в себя, и теперь оно живет у меня внутри.

- Ты не жалеешь?

- Нет. Ты забыл: мне нужны были длинные руки, чтобы дотянуться до счастья.

Ева вспомнила свою улыбку, после которой Антон попал в ее сети. Она оценивающим взглядом окинула своего соседа и... улыбнулась улыбкой ведьмы.

Пилигрим поморщился, как будто ему стало больно, и отвел глаза.

- Это пройдет, - мягко сказала Ева. - Нужно только воспользоваться числом двенадцать. Спокойной ночи...

Бра источало тусклый желтый свет, который, как мелкая пыль, рассеивался по комнате. Ева любила сидеть при таком свете. Полумрак. Полусвет. Означает одно и то же, но с одной стороны - наполовину свет, а с другой - наполовину мрак. Свет был в стороне, а она сидела во мраке, удобно при этом растянувшись в кресле.

Она подумала о Пилигриме в соседнем номере. С тех пор, как она стала ведьмой, он всегда был рядом. Появился однажды неизвестно откуда и теперь всюду следовал за ней. Он многое о ней знал, но она не обращала на это внимания. Что бы она ни делала, он никогда не мешал ей. Только иногда задавал вопросы. Или читал стихи. Она не могла понять его цели: он не охранял ее, не следил за ней, не напрашивался в помощники и, наоборот, не пытался разрушить ее планы. Да,

он не мешал ей, и она не делала попыток избавиться от него. Но отчего-то ей казалось, что если бы она попыталась его прогнать – он бы не ушел. У нее было такое чувство, что прогнать его не в ее власти.

Однажды она спросила у него, кто он.

– Пилигрим, – ответил он.

– Значит, ты странник. Как тебя зовут, странник?

– Пилигрим, – снова сказал он и добавил: – У меня нет другого имени, кроме моего предназначения.

И это было правдой. Она чувствовала. Ведь она была ведьмой – она очень тонко умела чувствовать.

«Я расскажу тебе то, что не дано знать простым смертным. Я расскажу, что такое улыбка ведьмы. Если ты думаешь, что она нужна лишь для того, чтобы подчинить своей воле, – ты ошибаешься. Ведьма способна подчинить своей воле любого, но для этого у нее есть другие методы. Однако подчинение превращает человека в раба. А жить среди рабов скучно. Тем более, если ты ведьма. Ведь ты знаешь, насколько богат и непостижим внутренний мир человека. Вынуть все краски наружу, воспользоваться ими, чтобы самой разукрасить окружающий тебя мир, а не залить все это богатство цементным раствором, – вот твоя задача. И для выполнения этой задачи у тебя есть ценное и простое оружие – улыбка ведьмы. Из самых дальних уголков человеческой души она вытягивает страхи разрушительной силы, забытые мечты, сокровенные надежды, преступные желания, потаенную боль, способность любить и ненавидеть в полную силу. Мало кто из живущих на земле представляет себе, что это значит – любить или ненавидеть в полную силу. Если бы они знали, то больше всех ужасов этого мира они боялись бы самих себя. Но пока они не знают, они счастливы своим ограниченным счастьем.

Запомни: улыбка ведьмы – это сети, которые можно забросить в океан человеческой души. Никто не сможет противостоять этому, как океан не может

не позволить рыбакам забрасывать сети в его глубины. Каким будет твой улов – зависит только от тебя. Но одно неизбежно: ведьма никогда не вытаскивает на берег пустые сети».

Глава 2. Руки ведьмы

«Еще один действенный инструмент ведьмы – ее руки. В них – тайная сила ведьмы. Ее руки чуть длиннее, чем обычные. Пальцы тоньше, чем обычные. Ногти острее, чем обычные. Потому что колдовство – это тончайшая материя и здесь нужен тонкий инструмент. Чтобы рубить дерево топором, нужны ладони похожие на топор: большие, сильные, грубые. Руки ведьмы не рубят деревьев. Они изменяют человеческие судьбы: либо уничтожают жизнь, и она, как цветок, вянет, либо оживляют ее, и она, как бутон, распускается, превращаясь в нечто поистине прекрасное. Когда люди обращают внимание на руки ведьмы, они восхищаются их изяществом, утонченностью и красотой. Если бы они умели смотреть внимательно... Если бы они знали тайну этих рук, то в ужасе отворачивались бы, как от чего-то страшного и отвратительного... Но они не знают. К их счастью».

– Ты говорила, что не умеешь страдать. Значит, твое сердце – это дом за высоким забором. Неужели никто без твоего позволения не может войти в этот дом?

– Никто.

– А если это будет бродячее животное, которое ищет приют?

– Животное? Пожалуй, я могу оставить небольшую дыру в заборе.

– А если это будет ребенок?

– Ребенок?

Пауза.

– Ты откроешь ему дверь?

– Открою. Но только если он придет один. И еще... Ему придется остаться.

Мальчик играл с мячом. Это был детский резиновый мяч ярко-желтого цвета. Мальчик прыгал на одной ноге, подбрасывая мяч другой, согнутой в колене. Потом менял ноги. Когда ему это надоело, он бросил мяч на землю, несильно пнул его носком правой ноги и бросился догонять. Догнав, пнул опять и побежал следом. Покатав мяч в дриблинге по асфальту, он остановился и пару минут крутился с мячом на месте. Он пасовал мяч внутренним ребром левой ноги и в прыжке принимал пас правой. Потом легко отбрасывал его пяткой, и тут же, сделав рывок назад, вскакивал на мяч другой ногой. Обычно после этого он падал, поскольку задачка была для него явно не из легких. К тому же он проделывал все это немного неуклюже, как будто рисовался перед своим отцом, стоящим невдалеке.

Но как бы он ни пытался привлечь внимание отца, тот не проявлял к ребенку никакого интереса, занятый разговором по телефону. После падения мальчик вставал, улыбаясь при этом так, будто ему вовсе не больно, или, если и больно, то не настолько, чтобы обращать на это внимание.

В конце концов он остановился в десяти шагах от стены какого-то заброшенного здания, расписанной примитивными граффити и еще более примитивными надписями, вроде: «Здесь был конь педальный Митя». Не вдаваясь в смысл словосочетания «конь педальный», мальчик принялся бомбить мячом стену, как будто это были ворота на футбольном поле. После каждого удара он прыгал на месте и с ликованием кричал: «Го-о-ол!».

– Павлик! – вдруг окликнул его отец строгим голосом. – Хватит орать! Где твой мобильный телефон?

Павлик быстро схватил мяч, который, отпрыгнув от стены и ударившись об землю, прискакал к нему прямо в руки. Мальчик обхватил мяч обеими руками,

как будто боялся, что его отберут, и растерянно уставился на отца.

Подошедший отец наклонился и похлопал сына по карманам. Убедился, что они пусты. Потом выпрямился и огляделся вокруг, окинув взглядом все близстоящие скамейки, и наконец опустил хмурый взгляд на сына.

– Ты снова где попало бросаешь телефон и ты снова его потерял! Я отберу у тебя этот чертов мяч! Мне надоело покупать тебе новые мобильники. Дай мяч сюда, живо!

Павлик, насупившись, покачал головой и спрятал мяч за спину.

– Я что сказал?! Давай сюда эту дурацкую штуку! – чуть ли не рычал отец.

Павлик не послушался и сделал крохотный шагочек назад.

– Да что ж это такое! – Отец схватил сына за локоть, чтобы силой отобрать мяч, но Павлик выпустил мяч из рук, юрко высвободился из отцовских тисков, потом с силой пнул мяч ногой и во всю прыть помчался следом за ним.

– Павел!!! – грозно крикнул ему вслед отец.

Но Павлик его не слушал. Он бежал за мячом и уже почти догнал его, когда мяч вдруг ударился о ноги какой-то женщины. Она быстро наклонилась и подобрала его. Павлик в нерешительности остановился, подняв на нее глаза.

– Твой? – спросила женщина.

Павлик кивнул, хмуро скосив глаза на свой мяч – ему не нравилось, что она взяла его в руки.

Но женщина вдруг улыбнулась и отдала мяч Павлику. Он жадно схватил его, пока она не передумала.

– А ты молодец, – сказала женщина. – Сильно бьешь и быстро бегаешь.

Павлик внимательно посмотрел в лицо женщины. Он смотрел так несколько секунд, пока не решил, что она ему нравится. Ему понравились ее слова.

Подошел отец Павлика.

– Здравствуйте, Антон, – сказала женщина.

– Здравствуйте, Ева, – Антон заулыбался, немного неуклюже и смущенно. Но болотные глаза окинули Еву с головы до ног без всякого смущения: цепким, искушенным взглядом.

– Я прошу прощения за своего сына, – сказал он, изобразив на лице деланно виноватую улыбку.

– Глупости, – невинно округлив глаза, ответила Ева. – Он просто играл с мячом. Все дети играют. Вы разве не любили бегать с мячом?

Антон нахмурился и рассеянно качнул головой, как будто не верил, что его спрашивают о таких глупостях.

– С мячом? – В его лице появилось что-то снисходительно-надменное, почти неуловимое, возможно, нечто в мелькнувшей на мгновение усмешке.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент зазвучала мелодия его мобильного.

– Одну секунду, – бросил он и поднес к уху трубку. – Да?

Какое-то время он просто слушал, изредка поглядывая на Еву. Потом часто закивал и наконец произнес:

– Да, да. Я понял. Сейчас буду.

Он отнял трубку от лица и спрятал в карман брюк.

– Какая жалость, – улыбаясь, проговорил он, глядя на Еву из-под наполовину опущенных век, что придавало его лицу выражение интимное и одновременно

хищное. – Такая приятная встреча – хоть я и не ожидал увидеть вас так рано, – и нужно отъехать по делу.

– Не страшно, – ответила Ева, отвечая ему таким же взглядом. – Ведь это не последняя наша встреча.

Они улыбнулись друг другу, как улыбаются люди, у которых есть общий секрет.

Павлик посмотрел на отца.

– Пап, а можно я здесь погуляю?

– Нет, я отвезу тебя домой, – резко ответил Антон, и Ева поразились, как вдруг переменялось его лицо.

– Я не хочу домой. Дома скучно, – тоскливо протянул Павлик.

– Не спорь, – отрезал Антон.

Ева окинула взглядом мальчика. Ей нравилось, как он держал мяч.

– Разрешите ему, Антон, – вдруг сказала она. – Я прослежу за ним. Я на отдыхе. Мне все равно нечем себя занять.

Антон посмотрел на нее сначала удивленно – он не ожидал, что она это предложит. Потом в его взгляде появилось недоверие – оставлять сына с малознакомой женщиной он не хотел. Не имеет значение, что она понравилась ему. Не имеет значение и то, что он пригласил ее провести вместе вечер. Не имеет значение даже то, что она спасла его от грабителей вчера ночью. Вот он, сам, с удовольствием провел бы с ней время. Но оставлять сына с чужим человеком? Нет.

Ева читала недоверие в каждой черточке его лица, но знала, что он не признается в этом.

– Честное слово, Ева, я не хотел бы вас утруждать, – сказал он в ответ. – Павлик будет действовать вам на нервы. Зачем вам лишняя головная боль? Лучше я

отвезу его домой.

– Честное слово, Антон, ваш сын ничуть не помешает мне, – произнесла Ева с самым невинным видом. – Наоборот, он составит мне компанию. Доверьтесь мне, Антон...

Ева глубоко заглянула в болотные глаза и на ее лице – с таким безобидным и наивным взглядом – заиграла улыбка ведьмы...

«Доверие – это опасное чувство... Большинство людей не знают об этом. Некоторые – только догадываются. Если хочешь чего-то добиться от человека или использовать его – начни с доверия. Когда человек одинок и у него нет ни родных, ни друзей – стань ему другом. Он думает, он одинок, потому что таков его выбор. Он ошибается. Просто подобные ему – простые смертные – даже не пытаются приблизиться к нему, пробиться сквозь его одиночество. Они слишком озабочены самими собой. Люди вообще очень эгоистичны – такова их природа. Но если ты ведьма и этот человек тебе зачем-то нужен – тонкими пальцами ты распутаешь узелки этого одиночества и проникнешь сквозь дыру в паутине в самые глубокие уголки человеческой души. Узнаешь о человеке все, и тогда он и сам не заметит, как у него появится близкий друг, которому он доверяет.

Если тот, кто тебе нужен, не одинок, тогда твой путь к его доверию лежит через близких ему людей, потому что в ком-нибудь из них обязательно живет уже знакомое тебе одиночество. Собственно, одиночество живет почти в каждом смертном. В ком-то его больше, в ком-то меньше. Иногда оно прячется, и люди почти забывают о нем, но иногда оно выходит на поверхность и делает их уязвимыми. Именно одиночество – самый легкий путь к доверию.

Запомни: одиночество – это коридор запертых дверей. Человек дергает дверные ручки, но двери не поддаются. Он решает, что они все заперты, и покидает коридор. А все, что было необходимо – это пройти коридор до конца и найти незапертые двери. Ведьма отличается от человека тем, что у нее есть тонкие пальцы и длинные руки. Она без труда нащупает все незапертые двери. Все, что ей останется, – открыть нужную дверь».

Ева и Павлик смотрели, как Антон сел в красивую серебристо-зеленую машину и захлопнул за собой дверцу. Через несколько секунд машина отъехала и вскоре скрылась из вида.

Ева опустила взгляд на Павлика.

- Ну! Говори, что будем делать, - сказала она ему.

Павлик прищурился, окинул ее придирчивым взглядом и спросил:

- В футбол играть умеешь?

- Нет, - покачала головой Ева.

- Будем учиться, - безапелляционно изрек Павлик, сопроводив свои слова твердым кивком.

Ева демонстративно оглядела себя: туфли на высоких шпильках, тонкое платье до колен - и растерянно пожала плечами.

- А тебе не кажется, что моя одежда для этого не подходит?

Павлик кивнул.

- Кажется.

- Тогда пошли переодеваться, - подытожила Ева.

- Пошли.

– Садись здесь и жди меня. Я скоро, – сказала Ева Павлику, указывая на кресла в холле гостиницы.

Павлик бухнулся в одно из кресел, не выпуская из рук мяч, и принялся качать ногами.

Ева подошла к портье, который с улыбкой поспешил вручить ей брелок с ключом от тринадцатого номера.

– Будьте добры, – обратилась к нему Ева, – присмотрите за этим мальчиком. Я спущусь буквально минут через пять.

– Конечно. Не беспокойтесь, – заверил ее портье.

Он провожал ее взглядом, пока она поднималась по лестнице вверх, потом перевел взгляд на мальчика. Портье всегда гордился своим логическим мышлением. Он очень хорошо умел раскладывать все по полочкам и не делать поспешных выводов. Вот и сейчас, хорошо подумав, он решил, что этот мальчик, скорее всего, сын кого-нибудь из родственников девушки из тринадцатого номера. У нее вполне могут быть родственники в этом городе. А то, что она остановилась в гостинице, а не у родных, – так в этом нет ничего удивительного. Здесь два варианта: либо у них просто нет места для еще одного жильца, либо девушка из тринадцатого номера предпочитает отдыхать в одиночестве.

Рассматривая мальчика, портье подумал, что он чем-то даже похож на девушку из тринадцатого номера. И это только подтверждало его теорию.

В этот момент мальчик повернул голову и посмотрел на портье. Портье быстро отвел взгляд. Он считал, что рассматривать людей неприлично. Даже если это всего лишь дети.

Ева зашла в номер. Сбросила с себя на ходу туфли и прошла в спальню. Она вынула из шкафа чемодан и бросила его на кровать, застеленную атласным покрывалом. Открывать чемодан она не стала. В этом не было необходимости – он был пуст. Он всегда был пуст – она не любила носить с собой много вещей.

Ева села на кровать и осторожно провела рукой над поверхностью чемодана. Потом опустила руку, коснувшись кожаной обивки, и медленно принялась выводить указательным пальцем какой-то странный символ, царапая острым алым ногтем кожу. Там, где Ева проводила пальцем, кожа вдруг начинала чернеть, словно накалялась от высокой температуры и, сразу остывая, съеживалась. Какое-то время на коже выделялись черные полосы, но... секунда – и их не стало.

Ева откинула крышку чемодана. Внутри лежали джинсы, футболка и пара кроссовок.

Спустя минуту, сменив платье на джинсы, а туфли на кроссовки, Ева спускалась по лестнице в холл. Павлик послушно ждал ее, а портье, завидев постоялицу, услужливо сообщил:

– Мальчик в целости и сохранности. Я присматривал за ним, как вы и просили.

Он смотрел на нее так, словно и не заметил никаких перемен в ее внешнем виде.

– Огромное спасибо, – поблагодарила Ева и подошла к Павлику. – Пойдем?

Спортивная площадка имела очень убогий вид: перекошенные ворота, под ногами гравий с песком, вокруг – забор из разорванной местами сетки и торчащими в небо острыми штырями.

– Как мы будем играть, если нас только двое? – спросила Ева.

– Будем по очереди бить пенальти, – нашелся Павлик. – Чур, ты первая в воротах.

Ева послушно стала в ворота. Расставив ноги пошире, она чуть согнула их в коленях и оперлась о колени руками, изображая из себя бывалого вратаря. Длинные волосы упали ей на лицо, ухудшая видимость. Ева откинула их назад, но они снова упали.

- Волосы нужно убрать, - распорядился Павлик.

Ева выпрямилась. Никакой заколки, чтобы собрать волосы, у нее, конечно, не было.

- Так, - решительно заявила она. - Один момент.

Ева демонстративным жестом завела руку за голову, спрятав ладонь под волосами. А спустя мгновение стремительно выбросила руку вперед. В ладони у нее появилась черная махровая резинка.

- Вуаля!

- Ух ты! - восхищенно уставился на ее руку Павлик, широко распахнув глаза. - Ты умеешь показывать фокусы?

- Да так... Знаю парочку, - небрежно бросила Ева.

- Научишь? - таинственным шепотом протянул Павлик.

- Обязательно, - пообещала Ева. - Сейчас? Или будем играть?

Павлик выбрал игру. Брать мяч у Евы получалось из рук вон плохо. Вышло у нее это только однажды и то лишь потому, что Павлик неудачно зацепил мяч ногой после разгона и отправил его прямо в руки Евы. Иногда, правда, у него получалось бить мимо ворот. Так как бил он чаще всего правой ногой, то и мяч пролетал мимо правой для Евы штанги.

Когда в ворота стал Павлик, оказалось, что так играть совсем неинтересно. Павлику не нравилось стоять в воротах, хоть у него и лучше получалось ловить мячи. Но по-настоящему ничего не выходило: Ева то била по мячу слишком слабо, и Павлик со скучной миной на лице хватал его руками, даже не сходя с места, либо попадала в штангу, либо в перекладину, либо мимо. Поэтому они очень скоро поменялись местами.

Где-то через десять ушибов, пятнадцать ссадин и несчитанное количество синяков, Ева сказала:

– Все. Последний раз – и идем на набережную. Ты не забыл, что нас там будет ждать твой папа?

Павлик покачал головой. Радости в его лице было мало, к папе он очевидно не хотел. Но все же согласился.

– Ладно. Последний раз.

Он установил мяч на одиннадцатиметровой отметке, которую они, конечно же, определили на глаз, и отошел на несколько шагов назад. Ева приготовилась ловить. Павлик разбежался и мощным ударом отправил мяч в воздух... Мяч пролетел высоко над воротами. Ева повернула голову, следя за его полетом. Мяч наткнулся на острый штырь, один из тех, на которые была натянута окружающая спортивную площадку сетка, со свистящим звуком отскочил от него, пролетел пару метров и упал в кусты за оградой.

Ева обернулась и заметила, что Павлик уже рванулся за мячом.

– Стой здесь, – скомандовала она. – Я за ним схожу.

Павлик послушно остановился. Вид у него был расстроенный.

Мяч Ева нашла там, где ему и положено было быть, – в кустах. Говоря точнее, Ева нашла то, что осталось от мяча. Он был проколот и весь воздух из него вышел. Теперь он больше напоминал лепешку, чем шар. Ева задумчиво посмотрела на желтую резину. Ей подумалось, что Антон мог бы купить сыну мяч и получше – настоящий футбольный мяч. Он мог бы купить сыну два десятка самых лучших футбольных мячей – с его-то деньгами. Но ничего не поделаешь. Придется немного подлечить этот.

Ева дотронулась до мяча и нежно погладила его, как маленькую умирающую зверушку. Потом приподняла ладонь, и мяч, словно потянувшись за этой ладонью, стал принимать округлую форму. Когда он стал таким же, как прежде, Ева приложила указательный палец к рваному отверстию, подержала секунду и отняла. От повреждения не осталось и следа.

На мгновение Ева замешкалась – какое-то странное чувство шевельнулось в ней где-то очень глубоко. Она повернула свою руку ладонью вверх и с интересом на нее посмотрела.

«Если бы люди знали тайну этих рук, то в ужасе отворачивались бы, как от чего-то страшного...».

– Что ж... – с задумчивой усмешкой произнесла она вслух. – Не такие уж они и страшные.

Ева взяла в руки мяч и отправилась к Павлику.

Она шла к мальчику через спортивную площадку, держа мяч за спиной. Павлик выглядел совершенно несчастным: губы вздрагивают, глаза на мокром месте – словно он потерял лучшего друга, и друг никогда больше не вернется.

– Сдулся? – спросил Павлик, глотая слезы. Он очень старался не расплакаться.

Ева с лукавым видом вытащила мяч из-за спины – целый и невредимый, как будто и не было никакого штыря.

– С чего ты взял? – спросила она.

Павлик радостно схватил мяч и обнял его обеими руками. Даже глаза сощурил от счастья.

– Не сдулся! – воскликнул он счастливо. – Правда, это самый лучший мяч на свете?

Это была просто дешевая и ни на что не годная резина, но Ева кивнула.

– А ты разве сомневался?

Павлик вдруг хитро, с прищуром, посмотрел на Еву и заговорщицким шепотом спросил:

– А это тоже фокус, да?

«Время... Да, ведьма умеет использовать время, когда ей это нужно. Она может делать его тягучим, как расплавленный от высокой температуры сыр. Она может останавливать его, как останавливает движение машин красный свет светофора. Но у времени есть свои правила. Его нельзя растянуть слишком сильно, только до определенных границ – сыр не намажешь за края ломтика хлеба. Время нельзя остановить навсегда и даже на долгий срок – красный свет на светофоре через строго определенный промежуток времени сменится зеленым, и вновь начнется движение.

Поэтому запомни: пользуйся временем ровно столько, сколько тебе позволено, ни секундой больше. А это значит – никогда не теряй время зря. Не упускай момент. Когда все готово – пусть задуманное случится. А после – все должно вернуться на круги своя».

Вечер был душным. Уже давно стемнело, но на набережной было не протолкнуться. Море по-прежнему штормило, но уже не так сильно. Оно словно начинало уставать от своего буйства. Самые смелые уже плавали, но таких было немного – единицы.

Ева вышла из машины Антона. Подол ее белого платья тут же подхватил морской вечерний бриз, оголяя ноги, но прохлады это почему-то не добавило. Антон подошел к ней и, обнимая ее за талию, повел вперед по огороженной декоративной брусчаткой дорожке.

Он привез ее в небольшой ресторан с выносными столиками и небольшой площадкой для танцев. Они выбрали столик. Заказали красное вино. Ева смотрела в глаза своему спутнику и, улыбаясь, думала про себя, что даже в вечернем полумраке они не изменили свой цвет. Обычно при тусклом освещении глаза кажутся темнее, потому что расширяются зрачки. Эти должны были казаться карими или темно-зелеными. Но они по-прежнему были болотными с крохотными бусинами черных зрачков.

– Кажется, ты понравилась моему сыну, – сказал Антон, делая глоток вина и не отрывая взгляда от лица Евы. – Обычно он с чужими не ладит.

Ева ничего на это не ответила.

– Он хочет быть футболистом, – сказала она, словно бы он у нее об этом спрашивал.

Антон недовольно поморщился.

– Всего лишь детское увлечение, – категоричным голосом сказал он. – С возрастом пройдет.

– Почему ты против? – мягко спросила Ева.

Антон пожал плечами и чуть искривил рот.

– Он будет ломать кости. Его будут покупать. Продавать. Если у него будут неудачи – на него будут ведрами лить помои. Если окажется, что у него не достаточно таланта, его карьера может сложиться просто паршиво. А уже лет в тридцать пять его отправят на пенсию. И тогда появится проблема, что делать дальше. Слишком много усилий. Зачем? У его отца есть бизнес, который можно расширять. Он может жить достойной жизнью и зарабатывать приличные деньги, даже не вспотев. Вот почему я против.

Ева медленно протянула руку к бокалу и обхватила его тонкими пальцами. Она знала, что Антон не отрывал взгляда от ее руки, пока она брала бокал.

– А если это мечта? – вновь заговорила она. – Мечта определяет путь человека. Неужели ты ни о чем не мечтал в детстве?

Она поставила бокал на стол и спрятала руки, скрестив их на груди.

Антон, словно очнувшись, поднял глаза.

– Мечтал? – он усмехнулся. – Ни о чем особенном я не мечтал. Хотел богатой жизни. Хотел, чтобы была семья, как у всех. Хотел хорошо проводить время: весело и беззаботно. Хотел, чтобы жизнь была удобной – вот о чем я мечтал.

Ева снова протянула руку к бокалу и легонько, словно в задумчивости, постучала алым ногтем по стеклу.

– Хотя... – Антон вдруг задумался, будто припоминая что-то. Лицо его изменилось. Ева очень внимательно наблюдала за этими переменами, одновременно продолжая постукивать ногтем по стеклу. Не отрывая взгляда от ярко-красного, мельтешащего в полумраке пятна, Антон сказал неуверенным голосом: – Давно, в детстве, кажется, мне было лет десять, я услышал историю о проклятии египетских фараонов. Она так меня поразила, что захотелось поехать в далекую страну, побывать в пирамидах, побродить в лабиринтах ходов и раскрыть все тайны гробниц...

Ева отставила бокал, но в этот раз спрятала ладони под столом, положив их себе на колени. Антон поднял на нее глаза и широко улыбнулся.

– И эти детские фантазии выветрились из меня в положенный срок. С возрастом я стал больше думать о реальных вещах.

Он оглянулся вокруг. Его взгляд задержался на площадке, где танцевало несколько пар. Играла медленная, расслабляющая музыка, и танцующие словно бы растворялись друг в друге. Только одна пара: молодая девушка лет восемнадцати и ее спутник, который был старше лет на десять, выделялись на фоне остальных. Парень был пьян и кружил девушку, не попадая в такт: слишком быстро и расхлябанно. В руках у него была наполовину пустая бутылка из-под пива. Время от времени он отпивал из горлышка пару глотков, а девушка взрывалась неестественно громким смехом.

Антон, кажется, не обратил на них внимания.

– Пойдем, потанцуем? – предложил он, оборачиваясь к Еве с очаровательной улыбкой.

Ева на мгновение остановила взгляд на его улыбке – неискренней и нежизнерадостной. Ей стало скучно и захотелось ответить «нет». Но она не

могла этого сделать – она еще не прошла тест. Поэтому она сказала:

– Да, с удовольствием.

Антон нежно обнял ее за талию, Ева положила руки ему на плечи, и они начали медленно двигаться по кругу. Ей казалось, что танец длится бесконечно долго. Антон мягко притянул ее ближе к себе. Уверенным жестом он погладил ее по спине. Его болотные глаза смотрели в ее глаза, не отрываясь. Ева знала, о чем он думает. Ему казалось, что она думает о том же. Он ошибался, но откуда ему было знать?

Продолжая танцевать, она устремила взгляд на танцующую рядом пару: того самого парня с бутылкой пива и смешливую девушку. Ева сощурила глаза, пристально глядя на парня. Он обернулся и встретился с ней взглядом. На какое-то мгновение он вдруг весь собрался, как будто с него сошел хмель. Лицо его лишилось естественной подвижности – в нем не было никакого выражения.

Ева подняла руку и погрузила пальцы в свои крашенные волосы. Медленным жестом откинула прядь назад и так же медленно вернула руку на плечо Антона.

Взгляд парня тут же стал осмысленным, черты лица ожили. Он больше не смотрел на Еву. Он снова был пьян и весел.

Музыка замолчала. Танцующие пары замерли на месте в ожидании следующей мелодии.

– Пойдем за столик, – предложила Ева.

Антон кивнул и, придерживая ее рукой за талию, повел с танцплощадки.

– Эй, давай музыку! – воскликнул пьяный парень, оттолкнув в сторону свою хохочущую подругу.

Антон и Ева как раз проходили мимо них.

– Это не ресторан! – заплетающимся языком во всеуслышанье заявил он. – Это... помойная яма!

Он решил жестом показать, что именно считает помойной ямой, и резко вскинул руку. Бутылка пива в его руке сильно наклонилась, и содержимое как струя из фонтана брызнуло в сторону... на белое платье Евы.

Люди вокруг громко заахали, а парень, кажется, вообще ничего не заметил. Ева стояла, опустив голову, и с огорченным выражением лица смотрела на растекающееся по юбке платья пятно. Струйки пива стекали вниз по ее коленям. Ева подняла расстроенный взгляд на Антона.

- Пьяный идиот, - грубо прокомментировал он. - Пойдем. Тебе, наверное, нужно привести себя в порядок.

Ева заглянула в болотные глаза. Где-то глубоко в ней шевельнулось презрение к нему. Но это там, глубоко. На лице же ее в этот момент мелькнула и погасла неуловимая и безжалостная улыбка ведьмы.

Лицо Антона начало меняться. Ева наблюдала, как в выражении его лица пробуждается что-то очень сильное, как расширяются его зрачки и болотные глаза становятся почти черными, и одновременно знала, что сейчас видит он.

Перед ним стояла трогательно-беззащитная девушка. Она улыбалась, но как-то неловко. Казалось, что она может даже расплакаться, хотя глаза ее были сухими. А еще... она выглядела униженной.

- Ерунда, конечно, - дрогнувшим голосом сказала Ева и с грустью в голосе добавила: - Только платье жалко. Оно мне нравилось.

Губы Антона сложились в жесткую линию. Брови сошлись на переносице...

«Улыбка ведьмы - это сети. От тебя зависит, каким будет улов...»

Ева ликовала внутри. Ее первый улов - авантюра, интерес. Это было вчера. Второй - доверие. Это было сегодня утром. А третий... третий... неужели?... Да. Из этого болота, из самых дальних глубин, она вытащила - благородство.

- Подожди здесь, - решительным голосом сказал Антон.

Он отвернулся от нее. Сделал несколько шагов. Схватил за плечо пьяного парня. Развернул к себе и... размахнувшись, со всей силы ударил его кулаком в лицо...

Парень пошатнулся, но не упал. В его взгляде сначала отразилось непонимание. Потом лицо дико перекошило, и в глазах полыхнула ярость – пьяная, а потому ненастоящая. Но это ничего не меняло...

– Ах ты... – с ненавистью процедил он сквозь зубы и кинулся на Антона...

Драка разгорелась в считанные секунды, но была недолгой. Дерущихся быстро разняли, хотя они и успели изрядно друг друга помять.

Ева молча стояла в стороне и смотрела на Антона. Ей было интересно, когда в последний раз он дрался. Наверное, это было давно. В детстве. Когда какой-то глупый мальчишка, который за свою недолгую жизнь не прочел ни единой книги, сказал маленькому десятилетнему Антону, что он начитался дурацких сказок, что никаких пирамид не существует, и не существует никаких гробниц, и не было никогда никакого проклятия фараонов.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала она.

Они сидели на пляже, прямо на влажной гальке, а к их ногам наплывали пенистые волны. В темноте он заметил, что она улыбается.

– Настолько ужасно, что тебя это развеселило? – тоже улыбнулся он.

– Нет. Меня развеселило другое.

Ева взялась за подол своего белого платья и, натянув обеими руками, разорвала ткань. Оторвала кусок.

– Что ты делаешь? – изумленно спросил Антон. – Тебе же нравилось это платье!

– Оно все равно испорчено, – как ни в чем не бывало ответила Ева.

Она встала и босиком прошла к воде. Наклонилась. Намочила лоскут ткани, который прежде был ее платьем. Потом выпрямилась во весь рост и посмотрела на штормящее море: темно-синее, чернеющее вдалеке, с серо-голубыми пенными гребнями на волнах.

«Когда все готово – пусть задуманное случится. А после – все должно вернуться на круги своя».

– Время, – шепотом произнесла она и, развернувшись, направилась к Антону.

Она подошла к нему, села рядом, подогнув под себя ноги, и стала влажной тканью вытирать его лицо. У него была разбита бровь, из нижней губы сочилась кровь, а на левой щеке выделялись глубокие ссадины.

– Мне понравился сегодняшней вечер, – вдруг с иронией в голосе сказал он. – В моей жизни давно таких вечеров не было.

– Я так и думала, – отозвалась она, тихо усмехнувшись.

Антон взял ее руку с зажатым в ладони белым лоскутом в свою горячую ладонь.

– Я увижу тебя завтра? – спросил он, и в этот раз в его голосе не было и намека на иронию.

– Нет, – коротко ответила Ева.

– Нет? – в интонации было недоумение. – Почему? Ты что, боишься, что завтра я тоже полезу в драку?

– Нет, – повторила она. – Просто завтра я уезжаю. Завтра вечером – поздно вечером – меня уже здесь не будет.

– У тебя закончился отпуск? – прохладным тоном спросил он.

– Что-то вроде того.

Не дожидаясь следующего вопроса, Ева поднялась на ноги.

- Я пойду поплаваю. Хочешь со мной?

Он покачал головой.

- Нет. Я плохо плаваю в шторм.

Ева повернулась и по шуршащей под ногами гальке направилась к воде.

- Пстой! - окликнул он.

Антон приподнялся и теперь сидел, обхватив колени обеими руками и сцепив ладони в замок.

- Ты пойдешь купаться в платье?

Ева пыталась различить в темноте его глаза, но ничего не вышло. Наверное, они по-прежнему были темными.

- А какая разница?

Больше ни слова не говоря, она вошла в воду и поплыла вперед: легко и свободно - словно набегающие в сторону берега волны были ничуть не сильнее ее.

Антон молча смотрел на штормящее море. Саднила бровь и щека, но физическая боль была почти не ощутимой. Внутри него было что-то не так. Это пугало. Он не чувствовал прежней удовлетворенности от жизни. Он не чувствовал себя сытым. Все было как раз наоборот - он ощущал сильный и необъяснимый голод. Удобная жизнь, которой он всегда был крайне доволен, сейчас совсем не казалась ему удобной. Ему было беспокойно, неуютно в самом себе, как будто чего-то не хватало. Вот только... чего? И откуда взялся этот чертов голод!

В своей задумчивости он даже не заметил, как невдалеке от берега появилась Ева. Она уже не плыла, а просто шла в воде. Морские волны, ударяясь о ее спину, взлетали вверх над ее головой, создавая странное подобие огромной

раковины с пенной каймой по краям.

Еще несколько секунд, и вот уже ее ноги ступили на берег, а упрямая волна, догнав, расстелилась под ними. Антон поднял глаза и тут же почувствовал как бешено заколотился пульс. Почему-то он не заметил этого сразу. Только теперь он вдруг понял, что на Еве не было ее платья... не было ничего. Она вышла из воды нагая, словно ее одежду похитили штормящие воды Черного моря.

Пока она приближалась, он не мог оторвать от нее глаз. Дышать было тяжело. Она подошла, опустилась возле него на колени, наклонилась и поцеловала в губы. Он обхватил руками ее голое тело и опрокинулся на песок, увлекая ее за собой. Он гладил ее спину, грудь, плечи – все тело Евы каким-то невероятным образом казалось ему знакомым. Но он не задумывался, почему так. Она в ответ ласкала своими тонкими нежными ладонями его лицо, и он чувствовал, как исчезала боль там, где прикасались к коже ее пальцы. Не саднила бровь. Не болела рассеченная губа. Внутри он больше не ощущал голода. Ушло беспокойство.

Только море по-прежнему штормило.

Ева вошла в номер и оставила дверь открытой. Она знала, что он придет. Она чувствовала это. Он просто не мог не прийти, она это понимала. Как понимала и то, что и сама она не могла сейчас запереть эту дверь.

Долго ждать не пришлось. Только она устроилась в самом удобном кресле, куда почти не доставал тусклый желтый свет бра, как совсем рядом послышались легкие шаги, которые, казалось, принадлежали кому-то почти невесомому. Знакомый голос прошептал тихо, еле слышно:

Как вечно манит горизонт...

Но камень-страж мне сердце гложет.

Мне в дар бы смелость. Душит стон.

Порвать бы цепи и, быть может,

Рискнуть, взмахнуть крылом, взлететь!

Туда где небо, солнце, звезды.

Забыть свой страх... и вмиг сгореть,

Или поймать в ладони грезы...

- О чем твои рифмы в этот раз, Пилигрим? - спросила Ева, не оборачиваясь.

- О мечте.

- Из твоих строк выходит, что мечты либо бесполезны, либо опасны.

- Для одних мечты - это лекарство. Для других они - болезнь.

- Что ты скажешь обо мне в таком случае?

- Ты очень больна. Тебе сегодня не жаль было терзать его душу? - Он перешел к вопросам.

- Нет. Его душа - болото.

- А разве ты сама не усомнилась в этом сегодня?

- Я бы усомнилась. Но уж слишком глубоко пришлось забрасывать сети. Он всегда боялся дна, а все хорошее, что в нем когда-то было, оставил на самом дне своей души. Он безнадежен. Ты сам знаешь.

- Для души всегда остается надежда.

- Надежда – это лодка из тонких и плохо сбитых досок. При сильном шторме в такой лодке сразу пойдешь ко дну. Ты сказал, что я больна, – вернулась к вопросам Ева. – Какое же лекарство мне нужно?

- Не знаю. Я не целитель. Я просто пилигрим. Но я думаю, такое лекарство есть.

- Ты обманываешь меня, Пилигрим. Ведь ты знаешь, что не от всех болезней есть лекарства.

Ева обернулась. Пилигрим стоял у нее за спиной, прислонившись к стене. В одной руке у него было черное перо, в другой – кожаная записная книжечка. Светло-голубые глаза смотрели на нее ласково и нежно. Ева легко разглядела в них... надежду. Почему-то ее это разозлило.

- Когда-нибудь, Пилигрим, я открою твою книгу и прочту то, что на самом деле там написано.

Глава 3. Жертва ведьмы

«Никогда не мешайся под ногами у судьбы. За это наказывают очень жестоко. Жалость не полезна. Но она присуща даже ведьмам.

Запомни: ты можешь потешить свою жалость лишь тогда, когда имеешь возможность что-то изменить. Если нет – отойди в сторону. Дальше. Еще дальше. Так чтобы судьба тебя не заметила. Не борись за то, чему участь уже predetermined – эта территория занята. Откажись от нее. Пожертвуй ею. В жизни есть немало свободных земель. Они могут быть не свободны от людей, обитающих на них. Но что тебе люди? Главное – они свободны от судьбы. Пока еще – свободны. Поспеш, пока судьба будет занята твоей жертвой. Потому что она быстрее – она может опередить тебя».

- Там, где ты появляешься, всегда происходят ужасные вещи. Неужели это не пугает тебя?

- По-моему, ты преувеличиваешь. Ужасные вещи происходят везде: хоть со мной, хоть без меня.

- Но разве не ты иногда становишься их причиной?

- Зло живет всюду. Одним меньше. Одним больше.

- С тобой - больше. Этот город уже почувствовал привкус зла.

- Этому городу я не причиняла зла.

- Ты уверена? В газетах пишут, что за последние два дня в городе повсюду находят трупы бродячих собак. Кто-то убивает их без счета, как будто хочет вырезать всех до единой. Это зло?

Тяжелая пауза.

- Да. Это - зло.

«Это было восемь лет назад. Его звали Антон. Антон Смертин. Красивый. Взрослый. Он умел зарабатывать и всегда жил на широкую ногу. Все это вместе очень нравилось представительницам слабого пола: от совсем молоденьких девочек до зрелых опытных женщин.

Я была где-то посередине: девятнадцать лет, первая неудача при поступлении в институт, первая работа, первое сильное чувство. К нему.

Как меня звали? Не помню. Кто-то случайно вылил в прошлое черную краску и там теперь не прочесть ни единой буквы.

Он считал, что я мечтаю стать его женой. Выйти замуж за такого красивого, взрослого, богатого.

Он был прав. Я хотела. Выйти замуж за такого красивого, умного, нежного, сильного и надежного. Чтобы от всех бед прятаться за его спиной. Чтобы заглядывать в эти болотные глаза и думать о том, что его глаза для меня дороже жизни. Чтобы родить ему ребенка.

Не получилось. Однажды он сказал, что таких, как я, у него... Он не сказал сколько. Он сказал, что ему не нужна глупая гусыня с воздушными замками. Ему не нужна бесплотная фея, которая растворится в нем. Ему не нужна подстилка, которая будет вечно мешаться у него под ногами. Он сказал, что моя любовь к нему – помешательство. Сказал, что я ненормальная и выгляжу смешно, когда вешаюсь ему на шею, каждый раз, когда его вижу. Сказал, что глаза у меня ненормальные, когда я смотрю на него так, будто ради него готова броситься под поезд. А нужна ему – нормальная женщина с трезвым взглядом на жизнь, которая отличает реальность от витания в облаках.

И ушел. Насовсем.

А самое унижительное, что, когда он это говорил, за его спиной стояла рыжеволосая красавица и улыбалась. Делала вид, что ей неловко от этой сцены. Но я тогда точно почувствовала, что она злорадствует: потому что мне, ненормальной, предпочли ее. И в глазах у этой рыжеволосой красавицы я прочла очень трезвый взгляд на жизнь. Она, в отличие от меня, безусловно, отличала реальность от витания в облаках. Правда, как и я, она хотела выйти замуж. За него – красивого, взрослого, богатого. Нет, не по расчету. Она его любила. Хотя, конечно, не настолько, чтобы броситься ради него под поезд. И не настолько, чтобы считать, что за его болотные глаза можно отдать все на свете. Но достаточно сильно для того, чтобы вручить ему себя – рыжеволосую красавицу, которая будет хорошей женой и хорошей матерью для его детей. Все это было написано на ее лице, в ее зеленых глазах, которые она отводила в сторону, будто ей ужасно неловко...

Они оба ушли. Я не видела их восемь лет.

Восемь лет назад я стала другим человеком.

Я не пошла бросаться под поезд. Мне даже в голову не пришла такая глупость. Я не ревела днями напролет в подушку. Я не проронила ни слезинки. Не было причины. Плачут о том, о чем жалеют. Я о нем не жалела. Не горевала из-за того, что меня бросили. Не пыталась изменить себя и трезво посмотреть на жизнь. Не захотела отличать реальность от витания в облаках. Я вообще не чувствовала себя несчастной. Но мне было плохо. Очень плохо. Потому что самое разрушающее чувство, которое может испытывать человек – это не любовь и не ненависть. Это разочарование.

Оно едкое и, когда вползает в тебя, начинает разъедать изнутри. После его слов я вдруг увидела, что меня, оказывается, засасывало болото. Еще бы чуть-чуть и я потонула бы в этом болоте. Но болото меня выплюнуло. У него были на это причины. Мы с этим болотом были несовместимы. Однако я все равно чувствовала себя мерзко – на мне остались грязные болотные пятна, вязкие, липкие...

Антон... Я разочаровалась в нем. Но больше всего – в самой себе. Я потратила частицу своей судьбы, отрезок своего пути на... болото. А частицу своей судьбы мне было жаль до зубовного скрежета. Впрочем, терять и жалеть приходилось впоследствии не раз.

И вот, спустя восемь лет, снова он. Я не выбирала его, чтобы отомстить. Я его вообще не выбирала. Мне нужен был подопытный кролик. И так случилось, помимо моей воли, что он подходил идеально. Мне даже жаль его, но... Судьба.

Я, конечно, ведьма, но она... Она сильнее меня».

Ева неподвижно сидела в кресле, глядя прямо перед собой – в раскрытое окно, которое было заполнено летним ярко-голубым небом, и ждала. Она знала, что он вот-вот придет, и не удивилась, когда в дверь номера постучали.

Ева встала с кресла, подошла к двери и открыла ее. Перед ней стоял Антон.

– Впустишь? – спросил он, кивая в сторону хорошо убранной комнаты тринадцатого номера.

Ева шире раскрыла дверь, давая ему пройти.

- Как ты узнал, где я живу?

Он остановился в центре комнаты, посмотрел в открытое окно, как будто рассчитывал увидеть там что-то важное, и только потом обернулся к ней.

- Ты приходила сюда с Павликом, - ответил он.

- Павлик сам тебе рассказал? - спросила Ева. Это был важный вопрос.

Антон покачал головой.

- Павлик знает, что я не люблю, когда он надоедает мне рассказами о том, как он проводит свое время. Просто... он был с тобой. Я велел ему рассказать, где вы были и что делали. Так я узнал, что ты остановилась в этой гостинице.

- Как ты узнал, в каком я номере?

Антон посмотрел на нее с превосходством во взгляде.

- Потому что это моя гостиница.

«Знаю», - уже не в первый раз протянул ленивый голос внутри Евы.

Она знала о нем даже больше...

- Павлик не сказал мне об этом, - Ева сделала удивленное лицо.

- Он не знает. Он не был здесь раньше. Чтобы вникать в дела, он еще слишком мал, а пока... не хочу, чтоб мешался под ногами. Пусть сидит дома с матерью.

Ева глубоко вздохнула. Заглянула в его глаза - болотные. Они больше не будут такими как вчера. Для него не будет больше улыбки ведьмы, а значит, ничто уже не выплывет из этого болота. И руки ведьмы не украсят его реальность

воздушными замками, как это было прошлой ночью.

– Зачем ты пришел?

Он подошел к ней, наклонился, поцеловал. Она отстранилась.

– Ты не ответил.

Он взял ее за плечи.

– Хочу, чтобы ты была со мной.

Ева улыбнулась.

– Это невозможно.

Антон раздраженно вскинул голову. Из него вырвался нетерпеливый вздох.

– Знаю, знаю... Ты уезжаешь сегодня вечером. Но ведь ты можешь остаться.

Ева окинула его спокойным взглядом и сказала:

– Вообще-то я действительно решила задержаться. Ненадолго. У меня... У меня есть неоконченное дело. Но это ничего не меняет. Я все равно уеду.

Теперь улыбнулся Антон – неискренней, нежизнерадостной улыбкой, но обволакивающей, властной и, разумеется, расчетливой.

– Тебе хочется казаться безразличной? Пусть так. Но я тебе не верю. Вчерашний вечер был... – Он запнулся. – Это неважно. Я хочу тебя. Мне нужна такая женщина как ты.

– Какая? – изобразила на лице удивление Ева.

– В тебе есть загадка, – он смотрел на нее почти со страстью. – Я хочу разгадать ее.

Мальчик, у которого была врожденная тяга к загадкам: «В детстве я услышал историю о проклятии египетских фараонов. Она так поразила меня, что захотелось поехать в далекую страну... раскрыть все тайны гробниц...».

– Ты женат, – напомнила Ева.

Лицо Антона вдруг сделалось очень усталым.

– Я не могу ее видеть. Я устал от нее. Когда я ее вижу, мне хочется закрыть глаза. Я стараюсь появляться дома как можно реже, чтобы меньше встречаться с ней. Она надоела мне. Она надоела мне давно, но я только сейчас окончательно это осознал.

– У вас сын, – продолжала напоминать Ева.

– При чем здесь Павлик? – раздраженно поморщился Антон. – Для него ничего не изменится. Он никогда ни в чем не нуждался. Не будет нуждаться и дальше. У меня достаточно денег, чтобы обеспечить своего сына и свою бывшую жену.

– Бывшую?

Антон пожал плечами.

– Развод... Не такая уж редкость. Это случается, если люди перестают друг друга устраивать.

– Значит... – Ева помедлила, изобразив задумчивость. – Я тебя устраиваю?

– Я уже сказал, – обнимая ее крепче, горячим шепотом произнес Антон, – я хочу тебя... Вчерашний вечер... Помнишь, шторм на море? Я хочу, чтоб в моей жизни было место такому шторму.

Ева смотрела в его лицо. Еще два дня назад этот человек был доволен своей жизнью. И нужно было вытянуть из глубин его души самую малость – немного страсти к жизни, чтобы он стал совсем другим. Ева смотрела на него с легкой гордостью: ведьме просто околдовать человека так, что он даже имя свое

забудет. Но она продела куда более сложную работу: она показала ему его самого – то, что успела. Конечно же, он говорил неправду, даже сам этого не понимая. Ему нужна была не она – ему нужна была другая жизнь, от которой он когда-то давно отказался.

Ева нежно провела рукой по его волосам – раньше, восемь лет назад, она любила это делать. Его мягкие, непослушные волосы словно созданы были для того, чтоб к ним прикасались женские руки. Женщине иногда приятно чувствовать себя собственницей.

Антон перехватил ее руку и прижал ладонь к своей щеке.

– Я хочу, – с какой-то болезненной интонацией прошептал он, – чтобы в моей жизни были твои руки.

Ева разочарованно выдохнула – а вот это уже колдовство.

Она высвободилась из его слишком крепких объятий и отошла к окну.

– Это невозможно, – повторила она.

– Опять? – усмехнулся он, и Ева не поняла, то ли с иронией, то ли с другим каким-то чувством. – Потому что ты уезжаешь? Хорошо. Ты не хочешь менять свои планы, потому что сомневаешься во мне? О чем я говорю? Конечно, сомневаешься, мы знакомы всего пару дней. Черт, я знаю, это сумасшествие какое-то. Я не знаю, куда ты едешь, но могу поехать с тобой. Возможно, где-нибудь... в самолете, в поезде... неважно где... ты поймешь, что нам по пути.

Пока он говорил, Ева смотрела в окно: небо заволочло сумерками. Как быстро здесь темнеет. Она подняла руку и задернула шторы. Потом повернулась к Антону.

– По пути? – переспросила она холодным, безучастным голосом. – Хорошо. Я покажу тебе твой путь.

Антон посмотрел на нее с удивлением. Твердым голосом Ева добавила:

– Это недалеко. Пойдем.

«Все, что не имеет отношения к твоей цели, не стоит твоего внимания. Не отвлекайся на постороннее. Оно отнимает время. Но время теперь твой союзник. Оно отнимает силы. Но сил в тебе теперь достаточно для десятерых. Самое главное – никогда не забывай об этом! – постороннее может отнять у тебя твою цель. Твой путь. Тогда ты знаешь, что тебя ждет... Тебя ждет замкнутый круг. Каждый день, просыпаясь и совершая какие-то привычные вещи, ты будешь думать, что здесь ты уже проходила. Из дня в день ты будешь возвращаться на уже пройденную дорогу. Не позволяй постороннему отобрать у тебя то, что должно принадлежать тебе – путь, который ты сама выбрала».

Антон огляделся вокруг. Он стоял в хорошо знакомом ему месте: высокие густые деревья, из-за которых во дворе раньше темнело, длинные пятиэтажки, между ними ниша – через этот двор он часто ходил домой, когда был без машины. И именно здесь его пытались ограбить.

Сзади неслышно подошла Ева – он даже вздрогнул, когда почувствовал, что прямо за спиной кто-то стоит.

– Зачем ты меня сюда привела? – спросил он недовольным тоном.

– Потому что здесь кончается твой путь, – бесстрастно ответила Ева.

Антон резко развернулся к ней и нахмурился.

– Не понял, – негромко выговорил он.

«Ведьма умеет использовать время, когда ей это нужно. Она может делать его тягучим. Она может останавливать его. Но у времени есть свои правила».

Именно это она и сделала – растянула время, чтобы втиснуть туда эти два дня. Но у времени есть свои правила. Второй день подходит к концу. И все должно вернуться на круги своя.

– Когда-то ты мечтал разгадать тайну проклятия фараонов, – начала говорить она. – Мечтал уехать в далекую страну, увидеть гробницы, пирамиды... Но потом забыл об этом. А вспомнил слишком поздно. Ты вспомнил об этом тогда, когда это уже не имело ровно никакого значения. Ты потерял свой путь, Антон.

Антон ошеломленно замер на несколько секунд, но потом криво усмехнулся и посмотрел на Еву, как на сумасшедшую.

– Что за чушь... Какой путь?! Гробницы?!

Ева безразлично пожала плечами.

– Может быть. Может – нет. Нужно было искать. Ты не захотел. Что-то напугало тебя, и ты очень легко сдался. Сразу. Без боя. А потом ты спрятался: в удобную жизнь, в сытость... Тебя начали пугать воздушные замки, потому что реальность была комфортнее, спокойнее. Ты решил, что правильно – это вращаться корнями в реальность, чтобы ничто не смогло оторвать тебя от земли.

– Ты о чем говоришь? С ума сошла?! – пораженно воскликнул Антон.

Ева мягко усмехнулась, на мгновение прикрыв веки и запрокинув голову. Она представляла себе, как дико для него звучат ее слова. Но пока еще он не понимал их.

– Дом. Машина. Бизнес. Красивая жена, которая тебе скоро надоела. Ребенок, с которым ты не знаешь, что делать. Ведь ему нужно помочь отыскать его путь в жизни – а ты этого не умеешь. В конечном итоге твой собственный путь съело время. Это происходит не так уж редко.

Ева сделала шаг назад. Антон хотел было последовать за ней, но она приложила к губам указательный палец: тонкий, длинный, с ярко-красным лаком на остром ногте, и произнесла:

- Ш-ш! Ты должен стоять на месте.

Он послушно замер.

- Здесь заканчивается твой путь. - Не отводя взгляда от его лица, она сделала еще шаг назад и добавила: - Извини.

Антон хотел ей что-то ответить, но вдруг послышались негромкие шаги: с одной стороны двора показалась фигура человека. Он приближался.

- Они уже идут, - тихо сказала Ева, по-прежнему глядя только на Антона.

- Подожди, - Антон заметно занервничал, с опаской поглядывая в сторону приближающегося незнакомца. - Ты что, меня разыгрываешь? Кто - «они»?

- Они такие же, как и ты. У них нет пути.

Антон посмотрел на нее как-то странно, в глазах сверкнула злоба.

- Это ты все подстроила. Чего они хотят от меня?

Человек приближался. Его силуэт все четче вырисовывался в темноте.

- Им нужен твой кошелек, - игнорируя его обвинения, ответила Ева.

Она видела, как на лице Антона мелькнуло воспоминание, потом непонимание, наконец, ужас. Еще она видела то, чего не видел он, - человека, крадущегося с другой стороны двора.

- Но прежде чем взять твой кошелек, они возьмут твою жизнь.

Еще один шаг назад - ниша меж домов чернела позади Евы.

- Ты спасла мне жизнь. Неужели теперь будешь просто стоять и смотреть, как меня убивают? - с дрогнувшей, кривой улыбкой спросил он.

Похоже, он все еще не до конца верил в то, что она говорит правду.

- Ты был мне нужен. Теперь - нет.

Ева продолжала отступать. Антон посмотрел на нее странным блуждающим взглядом человека, который запутался и ничего не понимает... Кроме одного.

- Ты ведьма, - тихо прошептал он.

Ева согласно улыбнулась: перед смертью он заслужил знать правду. Может быть, она и сказала бы ему об этом в последний момент. Но он сам догадался, когда захотел уйти. Вот прямо сейчас он хотел броситься бежать... но не мог. Потому что она приказала ему: «Ты должен стоять на месте».

Ева сделала последнее движение назад, и темнота поглотила ее. Антон больше не видел ее, но продолжал смотреть, потому что знал - она там.

- Мужик, прикурить не найдется? - спросил сиплый, прокуренный голос.

Антон повернул голову на этот голос.

- Что? - рассеянно спросил он.

- Я говорю, прикурить не найдется? - повторил незнакомец.

Антон какое-то время молчал, вглядываясь в лицо стоящего перед ним человека, а потом тихим, но ровным голосом ответил:

- Нет.

Нож вошел ему в спину. Тот, кто ударил его сзади, подкравшись неожиданно и незаметно, обхватил Антона руками, не давая ему упасть. И тут же еще одно лезвие пронзило безвольное тело спереди - в самое сердце.

Антон повалился на асфальт, откинув голову. Он издал тихий стон. Стон перешел в хрип... Антон затих.

Убийцы обыскали карманы своей жертвы. Забрали все ценное, что нашли. Потом внимательно огляделись по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не видел и, разойдясь в разные стороны, растворились в закоулках двора.

Ева вышла из темноты и медленно подошла к лежащему на асфальте телу Антона. Глаза его были открыты: серо-зеленые, желто-карие, просто болотные – глаза ее жертвы. Она почувствовала к нему жалость: болезненную, тягучую, липкую...

«...Поспеши, пока судьба будет занята твоей жертвой. Спешу, потому что она быстрее – она может опередить тебя».

Ева вдруг опомнилась. Она подняла глаза, переступила через Антона и быстрым шагом пошла прочь.

Позади нее осталось мертвое тело в луже крови и густеющая темнота ночи.

Через два дня, часов в десять утра, с чашкой крепкого черного чая в руках, Ева просматривала местные утренние газеты. Она знала, что именно ищет. И наконец нашла:

«На этой неделе был убит местный предприниматель, владелец гостиничного бизнеса – Антон Смертин. Убийство было совершено в районе десяти часов вечера. Смертину было нанесено два ножевых ранения, которые привели, по заключению экспертов, к мгновенной смерти. Свидетелей преступления не было, но оперативно-следственной группе все же удалось по горячим следам раскрыть преступление.

Как выяснилось в процессе следствия, убийство Антона Смертина организовала его супруга – Маргарита Смертина, с целью получить в свои руки оформленное на нее по завещанию состояние мужа. Соучастником преступления назван любовник Маргариты Смертиной, чье имя правоохранительные органы пока не разглашают в интересах следствия. Известно только, что именно он имел непосредственную связь с исполнителями преступления, личности которых уже установлены и объявлены в розыск.

Маргарита Смертина и ее любовник арестованы».

Ева свернула газету, поставила чашку на журнальный столик и нахмурилась. Да, она знала, что ищет. Но, оказывается, она знала далеко не все. Убийство Антона заказала его собственная жена – рыжеволосая красавица с раскосыми зелеными глазами. Жена, у которой был любовник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ekaterina-slavi_/ved-ma-po-imeni-eva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)